

ХРИСТОС ПОСРЕДИ НАС!

(Краткая история возникновения старообрядных (единоверческих) приходов в Русской Православной Церкви)

Можно ли встретить старообрядца, который являлся бы прихожанином храма Русской Православной Церкви. Большинство на такой вопрос ответят однозначно – нет. О том, что в лоне Русской Православной Церкви с 1800 года (а неофициально – даже и ранее) имеются свои старообрядческие приходы, знают, к сожалению, очень и очень немногие. Такие приходы называют единоверческими.

Вообще, слово «единоверие» означает соединение в вере кого-либо с кем-либо. В нашей Церкви оно обозначает совокупность приходов Московского Патриархата, единых по вере, учению и догматам с Православной Церковью, но отличающихся от остальных приходов Русской Православной Церкви в обрядах. Единоверцы крестятся, как и все старообрядцы, двумя перстами, а богослужение совершают так, как его совершали еще до реформ Патриарха Никона.

Об истории возникновения этих уникальных приходов в лоне Русской Православной Церкви мы и хотели бы рассказать нашим читателям.

Раскол XVII века – его причины и последствия

По словам Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, раскол, возникший в XVII веке и получивший название «старообрядческий», на протяжении уже более трех столетий остается причиной глубокой скорби и озабоченности православного народа в нашем Отечестве. Причем, несмотря на то, что в XX веке Поместные Соборы Русской Православной Церкви 1971 и 1988 гг. приняли принципиальные решения, позволяющие Церкви выстраивать активный диалог со старообрядцами, среди простых верующих (и даже некоторых священнослужителей) по-прежнему можно встретить представление о старообрядцах, как о невежественных и неразумных людях, держащихся своей «старины» исключительно из простого упрямства. Увы, это очень и очень упрощенный взгляд. На самом деле, как события самого раскола, так и последовавшие за ним другие исторические события, на три века сформировавшие отношение к старообрядчеству, были гораздо сложнее, чем их обычно представляют.

Безусловно, что к XVII веку возникла острая необходимость в исправлении ошибок и неточностей в богослужебных книгах, а также необходимость некоторой корректировки религиозных обрядов, отличных от традиции других Православных Восточных (прежде всего, Греческой) Церквей. Необходимость таких корректировок понимал не только будущий Патриарх Никон, но и, например, будущий вождь старообрядцев протопоп Аввакум.

Эта необходимость была обусловлена не только значительным количеством ошибок и разночтений в богослужебных книгах, многие из которых были рукописными, ведь книгопечатание в России тогда еще только зародилось. Но также и тем, что, став Автокефальной (то есть полностью самостоятельной в церковно-административных вопросах) с середины XV века, Русская Православная Церковь определенное время не имела контактов с Константинопольским Патриархатом из-за принятой им Флорентийской унии с Католической Церковью, которая была впоследствии разорвана. Таким образом, некоторое время Русская Церковь развивалась как бы самостоятельно, что отразилось, в том числе и на некоторых богослужебных обрядах. Хотя это только одна из точек зрения: многие исследователи считают, что эти различия имеют гораздо более древнее происхождение.

Особенно укоризненно на ошибки в богослужебных книгах и, как им казалось, произвольные новшества в обрядах указывали приезжавшие в Россию с Востока греческие Патриархи и митрополиты. Образованные представители русского духовенства и высшие церковные иерархи Русской Православной Церкви были давно готовы к реформе в области богослужения и обрядов. Но вставал вопрос: исправляя очевидные ошибки в книгах, стоит ли ориентироваться только на греческую традицию? Нельзя ли сохранить и некоторые особенности русского обряда, не противоречащего догматам Православия и православной Вере? Здесь мнения разошлись.

Когда мы говорим о личности Патриарха Никона, безусловно, необходимо отдать должное тем благим намерениям, с которыми он приступал к своей реформе. Ведь он хотел не только исправить церковные книги, но и сделать службу более понятной и доступной для человека своего времени.

Эпоха средневековья заканчивалась – наступало новое время. Увы, во всех европейских странах оно характеризовалось ослаблением веры и усилением того, что потом будет принято называть светским взглядом на мир. Было понятно, что и Россия в скором времени этого избежать не сможет.

Для человека нового времени в миссионерских целях что-то нужно было и упрощать – слишком сложным и обременительным становилось для него «древнее благочестие». Для императора Петра I не вполне очевидной была даже необходимость православного монашества, что уж говорить о многом другом. Предвидя наступление таких времен, Патриарх Никон постарался, чтобы православное богослужение оставалось вполне доступным даже и для людей с таким «легким» взглядом на духовные ценности.

Однако, увы, кое в чем Патриарх Никон оказался похож на Петра I. Будучи, как и император Петр I, крайне жестким и властным человеком, он проводил свои реформы с той же суровой настойчивостью. При этом, как и император-преобразователь, он не ограничивался только реформами в главном, но стремился к переменам даже и во второстепенном – церковно-бытовом образе жизни Русской Церкви. Именно он вводит в обязательный русский церковный обиход облюбленные им греческие клобуки, жезлы, амвоны, меняя, таким образом, русские православные обычаи на греческие, несмотря на то, что многие из духовенства и народа были против этого.

А старообрядцы, первоначально недовольные именно «греческим уклоном» Патриарха Никона, причем даже те из них, кто раньше и сам был сторонником исправления книг, устно и письменно стали проповедовать, что исправленные при Патриархе Никоне книги «еретически и растленны». При этом, злословя и уничижая всех пастырей церковных и всю Церковь, стали утверждать, будто бы Православная Церковь больше не истинная Церковь, архиереи теперь не православные архиереи, Святые Таинства уже вовсе и не таинства и т. д. Таким образом, они начинали вести себя как подлинные раскольники, стремясь порвать с Православной Церковью

всякую связь. Очень долго (а в некоторых «согласиях» и до сих пор) старообрядцу запрещалось всякое общение с православным, от религиозного в молитве до обычного в пище и питье и от хождения в православный храм, до принятия им «никонианина» в свой дом.

Итак, как пишет Патриарх Московский и всея Руси Алексей II, создавшееся в Русской Православной Церкви положение стало предметом озабоченности Московского Собора 1656 года и Большого Московского Собора 1667 года, наложивших клятвы на всех, не приемлющих изменения, произведенные Патриархом Никоном и его преемниками.

Причем, из-за вмешательства светских властей (кстати, по причине конфликта с царем Алексеем Михайловичем, и сам Патриарх Никон был низложен на Соборе 1666 года), клятвы были сформулированы таким образом, что получалось, будто они налагаются не за учение расколу против Православной Церкви, а именно за старые обряды и использование дореформенных книг.

Светские власти вообще сыграли роковую роль в углублении раскола. Указ регентши при начале правления Петра I – его сестры царевны Софьи от 1685 года о смертной казни всех упорных раскольников загнал старообрядцев в самые глухие уголки государства – в дремучие леса, непролазную тайгу, болото и степь, где они поселились с чувством раздражения к Православной Церкви и ее представителям.

В начале царствования Петра I старообрядцам была дана некоторая свобода. При Петре I все старообрядцы должны были «записаться раскольниками». Это давало защиту от преследований, но предполагало особое налогообложение и поражение в правах. Только императрица Екатерина II отменила для старообрядцев особые знаки на одежде и знаменитый «налог на бороду».

В конце царствования Петра употреблены были снова прежние «приемы» обращения старообрядцев в Церковь, приемы бесхитростные: казни, заточения в тюрьмах, ссылка на каторгу, сожжение в срубах... «Смерть еретиков, - убеждал Стефан Яворский, - а к ним он относил и старообрядцев, - единственное врачевание и истинное благодеяние для них, так как отнимает у них дальнейшими делами заслужить еще большее осуждение». А Святейший Синод от 28 февраля 1722 года издал такое постановление: «Которые, хотя Церкви и повинуются и вся церковные таинства приемлют, а крест на себе изображают двумя персты, а не трех перстным сложением, тех... писать в раскол, не взирая ни на что».

Однако, как подчеркивает Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II, постановления и клятвенные запреты Соборов 1656 и 1667 г.г., где в старых обрядах дониконовских времен усматривается чуть ли не еретический смысл, вызывали определенное смущение у православных русских людей. Наиболее просвещенные иерархи Русской Православной Церкви, стремившиеся к уврачеванию раскола, понимали, что клятвенные определения Соборов 1656 и 1667 г.г. существенно препятствуют взаимопониманию и доверию, столь важных и необходимых в двустороннем диалоге. В результате длительной и кропотливой работы Поместный Собор Русской Православной Церкви 1917 – 1918 г.г. наметил ряд важнейших начинаний, направленных на обретение чаемого единства Российской Церкви, но известные исторические события и наступившее затем скорбное время гонений на христианство в России не позволили воплотить в жизнь эти благие намерения.

Только в 1971 году Собор Русской Православной Церкви своим Деянием от 2 июня подтвердил православие богослужебных книг, бывших в употреблении до Патриарха Никона, засвидетельствовал спасительность старых русских обрядов, отверг порицательные о них выражения и отменил клятвенные запреты Соборов 1656 и 1667 г.г., «яко не бывшие», как на сами обряды, так и на придерживающихся их православных христиан.

Итак, клятвы сняты. Но, нынешний Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл (тогда, митрополит Смоленский и Калининградский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата) в своем докладе на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 2004 года задается вопросом: что же еще нам предстоит сделать, чтобы достигнуть подлинного примирения со старообрядцами или, во всяком случае, полностью пройти свою часть пути?

Как подметил один старообрядческий деятель, возникает парадоксальная ситуация. Соборы принимают определение считать клятвы на старообрядцев и порицательные выражения о старых русских церковных обрядах «яко не бывшими», а на местах уровень информированности об этом настолько низок, что «яко не бывшими» становятся сами эти определения.

Нам говорят, например, если оба обряда, и в особенности оба способа совершения крестного знамения, давно уже признаны вами равночестными, почему же в учебниках закона Божия, которых в последнее время издано множество, мы не находим указания на возможность двух способов перстосложения – хотя бы мелким шрифтом в примечании? Почему вами не издается богослужебная литература, печатавшаяся при первых пяти русских патриархах, сборники крюкового пения? Почему в ваших духовных школах можно получить лишь крайне скудные сведения об особенностях богослужения по старому обряду? Почему в беседах с вашим духовенством нередкость услышать предвзятое или некомпетентное мнение о причинах нашего разделения, почерпнутое без всякого критического подхода из полемической литературы столетней давности, а подчас приходится встречаться и с хулой на старые обряды? Почему по-прежнему переиздаются и предлагаются в приходских лавках книги и брошюры, в которых нетрудно встретить не только необъективный, но подчас и попросту оскорбительный взгляд на старообрядчество?

Как считает Святейший Патриарх Кирилл, прежде всего, нам необходимо на деле следовать принятым в XX веке соборным решениям.

Предпосылки к возникновению единоверия

Хотя официальной датой утверждения единоверия и считается 1800 год, тем не менее, среди некоторой части старообрядцев стремление к сближению с Русской Православной Церковью встречалось и ранее. При этом следует отметить, что препятствием к такому сближению была как официальная политика государственной власти по отношению к старообрядчеству, так и крайне негативный взгляд подавляющего большинства самих старообрядцев на возможности какого-либо диалога с Церковью. Испытывая жестокие гонения со стороны власти, старообрядцы автоматически считали такое отношение к ним реализацией взглядов именно Русской Православной Церкви на старообрядчество. При этом ими абсолютно не учитывался тот факт, что с начала XVIII века, после фактически принудительной ликвидации императорской властью Патриаршества и учреждения административно зависимого от нее Святейшего Синода, Русская Православная Церковь сама оказалась в очень большой зависимости от государственной власти.

Между тем, хотя отношение в Русской Православной Церкви XVIII века к старообрядчеству и было во многом прежним, кое-что все таки стало чуть-чуть меняться.

Например, многие лица, обладавшие высоким духовным авторитетом, такие как основатель и первый настоятель Саровской пустыни иеросхимонах Иоанн, признавали спасительную силу дореформенных обрядов и книг, а вне столиц в храмах все же сохранялся столь любимый старообрядцами знаменный распев. Более того, со второй половины XVIII века в Русской Православной Церкви, как со стороны миссионеров, так даже и от некоторых высших церковных иерархов стали звучать обращенные к старообрядцам слова, в которых было меньше угроз и больше искренней пастырской любви и подлинного духовного попечения о заблудших овцах Христова стада, оторванных от Церкви. И еще: кроме очень жесткой и непримиримой литературы о старообрядчестве, издававшейся ранее, в этот период в Церкви появляются издания и более лояльного характера по отношению к старым обрядам и книгам.

Все это происходило на фоне сильного смягчения государственной политики по отношению к старообрядцам, что было весьма характерно для царствования императрицы Екатерины II, которая, прежде всего из чисто практических соображений, сильно улучшила правовое положение старообрядцев в Российской империи. Подобные изменения в государственной политике, совпавшие по времени со смягчением взглядов на старые обряды в

самой Церкви, открывали возможность для начала первого после раскола XVII века диалога на равных между Церковью и желавшими того старообрядцами.

Первой массовой попыткой сохранить возможность креститься двумя перстами и службу по дореформенным обрядам и книгам, не отделяясь при этом от Церкви, многие исследователи считают так называемое «дело Терских казаков», пришедшееся на царствования императриц Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны, когда еще не произошло тех кардинальных изменений в государственной политике по отношению к старообрядцам, которые характерны для екатерининского царствования.

В Терских казачьих городках этого времени, как и ранее, на места приходских священников обычно назначали кого-то из числа образованных казаков тех же городков, имевших склонность к священническому служению. Эти священники не препятствовали своим прихожанам креститься двуперстно, и сами они при совершении богослужений придерживались некоторых дореформенных обрядовых особенностей. На стремление Кизлярского благочинного (его тогда называли закащиком) вывести это у казаков, сами они ответили просьбой к тогдашнему Астраханскому епископу Иллариону. Казаки просили его ничего не менять в их богослужебных и обрядовых традициях.

В ответ на эту просьбу, епископ Илларион в своем указе, который он послал казакам, стал убеждать их креститься троеперстно, ссылаясь при этом на древность и всеобщую распространенность такого перстосложения. Далее владыка приводил указ Императрицы Анны Иоанновны, запрещающий делать послабления тем, кто не подчинялся требованиям, касающимся правил совершения на себе крестного знамения. В заключение, в случае непослушания он угрожал донести на казаков в Синод, а всех их священников, за нерадивость, сослать на каторгу.

В том же (1738) году епископ Илларион действительно отправил в Синод донесение. Через некоторое время Синод одобрил позицию епископа и предписал ему «увещевать казаков отстать от двуперстного сложения». Но все эти увещания казаки встретили недоверчиво и даже враждебно.

Ввиду этого, епархиальное начальство, после долгих и безуспешных попыток увещания (с 1739 по 1744 г.г.), постановило объявить указ, о том, что если казаки и далее будут проявлять упорство, то их ждет уже и наказание по линии государственной власти. Казаки, со своей стороны, официально заявили, что они во всем готовы следовать за Церковью и ни в чем ей не собирались и не собираются противоречить, но при этом своего двуперстия они изменить не могут, так как чинили им присягу своим законным Государям (т. е. российским императорам и императрицам). Более того, казаки грозили отказом от государственной службы, если им не позволят креститься двуперстно.

Опасаясь возмущения казаков, Астраханский епископ, в конце концов, предписал священникам казачьих городков не принуждать казаков к троеперстному сложению при крестном знамении, «понеже у них, кроме креста, иного расколу никакого нет».

После послаблений старообрядцам от императрицы Екатерины II стремление к диалогу с Церковью среди некоторых из них становится гораздо более осмысленным и устойчивым.

Зарождение первых единоверческих приходов и официальное учреждение единоверия

В силу того, что в XVII веке против реформ Патриарха Никона открыто выступили почти исключительно только некоторые священники, диаконы, монашествующие и миряне, старообрядчество практически сразу было лишено епископата. После разделения на поповцев и беспоповцев, беспоповцы и вовсе отказались от священства, а поповцы, в силу того, что у них оказалось некому рукополагать во диаконский и священнический сан, решили (разные согласия на разных основаниях и с разными обрядовыми особенностями), принимать для священнодействия беглых священнослужителей, рукоположенных в Православной Церкви.

Причем нередко и тех, кто подвергся в Русской Православной Церкви наказаниям за духовные и даже светские преступления.

Однако мысль, что старообрядчество это не истинная Церковь Христова, поскольку в ней нет всех (а значит и вообще никаких) установленных в Церкви степеней священства, так или иначе с самого начала тяготила христианскую совесть отделившихся от истинной Христовой Церкви сторонников церковной старины. Причем тем из старообрядцев, кто действительно стремился к подлинной Православной Вере, поповщина всегда казалась чем-то весьма сомнительным. «Как можно признавать истинность благодати священства и не признавать при этом истинность той же благодати у архиереев, этих священников рукополагавших?» - вопрошали они.

Грамотные из старообрядцев, люди, всю жизнь сидевшие над свято-чтимыми книгами, рано или поздно дочитывались, что без епископа Церковь не Церковь, а самочинное сборище. Они приходили в смятение от многих слов Священного Писания и относительно себя говорили: «у нас нет епископа, стало быть, нет спасения». Даже у поповцев не было таинств рукоположения и миропомазания (что уж говорить о беспоповщине), а жизнь их «священников», перешедших к ним по корыстолюбию, праздности или из-за желания избежать заслуженного наказания за гражданское преступление вообще могла оттолкнуть любого. К тому же иногда оказывалось, что на самом деле «священник», совершавший у них «таинства» - разыскиваемый своим барином грамотный крепостной или армейским начальством грамотный солдат.

Одним из таких старообрядцев, хорошо себе представлявших все недостатки как поповщины, так и тем более беспоповщины, человеком, стремившимся к обретению истинного христианского спасения и стяжания Царствия Божия был некто по имени Никодим.

Никодим родился в 1745 году в г. Калуге. Родители его были старообрядцами. В молодости Никодим жил в Москве, потом ради имени Христова странствовал по разным местам. Не находя желаемого им душевного мира в обществе грубых ревнителей раскола, он, наконец, водворился на пустынной земле посада Злынки, у речки Каменки, куда мало-помалу собрались к нему такие же ищущие подлинной духовной жизни, как и он. Снисходительный ко всем и нестяжательный, чуждый роскоши и пресыщения, Никодим был глубоко начитан в старопечатных книгах.

В 1781 году Никодиму пришлось быть в имении у тогдашнего наместника Малороссии (куда входили тогда и те земли, на которых жил теперь Никодим) графа Румянцева. Во время беседы с графом, который давно уже слышал об этом человеке много хорошего, о старообрядчестве, его проблемах и отношении в нем к Православной Церкви, Румянец коснулся вопроса потребности старообрядцев в епископстве и подал мысль искать для себя архиерея официальным путем: просить императрицу Екатерину II и Святейший Синод об определении к ним особого епископа и, таким образом, воссоединиться с Православием, обещая при этом и свое личное ходатайство перед государыней и Синодом.

Никодим воспринял эту идею со всей душой, и стал горячо убеждать в ней других старообрядцев. Вместе с тем, Никодим решил еще и заручиться поддержкой всеильного фаворита императрицы, бывшего тогда наместником недавно отвоеванной у Османской империи Новороссии графа Алексея Потемкина. Потемкину Никодим обещал содействовать переселению старообрядцев в Новороссию, если он поддержит ходатайство графа Румянцева перед императрицей и Синодом. Нуждавшийся в скорейшем заселении нового края трудолюбивыми работниками, способными освоить его быстрыми темпами, Потемкин выразил готовность поддержать такой проект. Так идея единоверия начала воплощаться в реальность.

Увы, решить проблему воссоединения старообрядцев, значительная часть которых уже склонялась к этому, с Русской Православной Церковью тогда не вполне удалось. Помешала этому, в том числе, и смерть Никодима в 1784 году. И хотя, после многих препятствий со стороны как светских сановников, так и не совсем готовых к этому некоторых архиереев в 1785 году все-таки был подписан императорский указ, позволявший старообрядцам, желающим воссоединиться с Русской Православной Церковью, иметь священников, которые бы служили

по старинным, дониконовским, обрядам, указ был издан с условием. Все старообрядцы должны были (как бы добровольно) переселиться в Таврическую область по левую сторону Днепра.

Поскольку очень немногие оказались готовы к такому переселению, то и Потемкин не стал торопиться с выполнением своих прежних обещаний. Правда, именно тогда впервые в истории Русской Православной Церкви после раскола XVII века возникли два монастыря с дореформенным уставом – Корсунский единоверческий монастырь и Успенский Троицкий монастырь (на месте, где в свое время поселился со своими соратниками Никодим). Первым настоятелем Корсунского единоверческого монастыря стал Иоасаф – ближайший соратник Никодима, за которым Святейший Синод признал сан архимандрита, полученный им ранее в одной из Восточных Православных Церквей.

Таким образом, указ 1785 года стал важным основанием, которое позволяло и многим другим старообрядческим общинам, если у них возникало желание воссоединиться с Православной Церковью, подавать прошение о сохранении для них старого обряда. Правда, до 1800 года каждый такой случай считался индивидуальным, и на него требовалось особое разрешение монарха и Синода.

Наконец, в 1800 году, указом императора Павла I были утверждены единые общие правила, по которым отныне все старообрядческие общины должны были воссоединяться с Православной Церковью. Их стали называть правилами единоверия, а день 27 октября 1800 года, когда соответствующее решение Святейшего Синода вступило в силу, принято считать днем воссоединения единоверческих приходов с Русской Православной Церковью.

Всего пунктов, предложенных старообрядцами как условия, необходимые для их объединения с Русской Православной Церковью, было шестнадцать. К ним присоединили еще и мнения члена Святейшего Синода митрополита Московского Платона, добавленные к ряду пунктов и утвержденные, таким образом, вместе с пунктами старообрядцев. Поэтому правила единоверия иногда называют также и правилами (или пунктами) митрополита Платона.

Первым пунктом определялось, что члены единоверческих приходов Русской Православной Церкви более не подлежат действию клятв Московских Соборов 1656 и 1667 г.г., а также определялся чин их присоединения к Церкви через произнесение особой разрешительной молитвы над каждым из присоединяющихся лично.

Вторым, третьим и четвертым пунктами определялось, что священники и диаконы, избранные по воле епископа и желанию прихожан, будут рукополагаться епископом и сами совершать богослужения по дореформенным богослужебным книгам, и по этим же книгам будет совершаться освящение старообрядческих (единоверческих) церквей и антиминсов.

Пятый пункт, поправленный мнением митрополита Платона, ограничивал возможность перехода из новообрядного прихода в единоверческий для тех старообрядцев, которые ранее присоединились к Русской Православной Церкви без сохранения старых обрядов. В том же смысле и одиннадцатый пункт крайне жестко ограничивал для всех остальных православных, не принадлежащих к единоверческим приходом, возможность причащения Святых Христовых Таинств от единоверческого священника только в особо исключительном, крайнем случае, при угрозе для жизни и невозможности по объективным обстоятельствам причаститься от священника обычного прихода. О возможности же принятия обычным православным христианином старого обряда даже не было и речи.

Далее пункты с шестого по пятнадцатый определяли порядок признания ранее совершенных священнодействий, порядок венчания смешанных новообрядно-единоверческих браков, а также определяли и разъясняли особый характер подчинения единоверческих священников епископу в некоторых духовных вопросах и т. д.

В последнем, шестнадцатом, пункте содержался призыв никогда более не осуждать друг друга из-за разности обрядов и относиться друг к другу как к членам Единой Православной Церкви и братьям по вере.

Необходимо отметить, что все эти пункты почти не претерпели никаких изменений до окончания Синодального Периода в истории Русской Церкви и восстановления Патриаршества.

Единоверие после 1917 года

Увы, большого распространения среди старообрядцев единоверие не получило. Прежде всего, потому, что государственная власть смотрела на него как на способ заставить старообрядцев прийти к Церкви, а затем навязать им, уже в церковной ограде, новый обряд, при этом, совершенно упразднив единоверие, когда его практическая цель: приведение в церковную ограду подавляющего большинства старообрядцев, будет достигнута. К сожалению, о признании двух обрядов равноспасительными и равноблагодатными, а также о возможности свободного выбора старого или нового обряда для любого православного христианина речь тогда не шла.

Все это стало возможным только в двадцатом веке, после решений Соборов 1917 – 1918 г.г., 1971 г. и 1988 г. Кстати, именно после решений Собора 1917 – 1918 г.г. в Русской Православной Церкви наконец-то появились единоверческие епископы.

Но, к несчастью, и все эти решения реализовать в полной мере опять не удалось – начались невиданные прежде в истории нашей Церкви гонения на верующих. Единоверческие епископы, как и множество других архиереев Русской Православной Церкви, погибли в эти страшные годы. Среди них и первый единоверческий епископ Симеон (Шлеев) – автор фундаментального труда по истории единоверия «Единоверие в своем внутреннем развитии», епископ Охтенский, канонизированный Русской Православной Церковью на Поместном Соборе в августе 2000 г. Как и все другие, единоверческие приходы упорно и целенаправленно закрывались.

Если в 1917 году в Русской Православной Церкви насчитывалось около 600 таких приходов, то к концу 80-х годов XX века в нашей Церкви оставался всего один (!), последний единоверческий приход – храм Покрова Пресвятой Богородицы в селе Малое Мурашкино Горьковской (ныне Нижегородской) области, правда был еще и храм святителя Николая Чудотворца на Рогожском кладбище в Москве, но там единоверцам принадлежал только лишь один предел.

Но, слава Богу, Господь не оставил нашу Церковь. В стране началось духовное возрождение.

Коснулось оно и единоверия. В 1989 году московской единоверческой общине был передан храм Архангела Михаила. Этот храм в Михайловской слободе на сегодняшний день является признанным духовным центром единоверия.

Однако, та настороженность, с которой до сих пор многие в нашей Церкви относятся к людям, предпочитающим двуперстие троеперстию и старые обряды новым, а также связанное с этим недоверие «внешних» старообрядцев к Русской Православной Церкви помешало тому, чтобы единоверие в новой России развивалось также активно, как и все остальные приходы Московского Патриархата. К 2004 году в Русской Православной Церкви действовало всего 12 единоверческих приходов. Это в три раза меньше, чем, например, было обычных православных приходов в Нижегородской епархии в советское время.

Начало XXI века вполне можно назвать особенным в истории единоверия. В соответствии с решениями Архиерейского Собора в 2004 году была создана Комиссия по делам старообрядных приходов и по взаимодействию со старообрядчеством при Отделе внешних церковных связей Московского Патриархата, основной целью которой является содействие в активизации деятельности уже действующих единоверческих приходов и помощь в открытии новых.

Хочется верить, что теперь наконец-то настало время, когда мы, с помощью Божией, в полной мере сможем реализовать все те решения, которые были приняты в XX веке и что очень скоро мы сможем увидеть и услышать, как прозвучат слова, что окончательно сломают разделение между нами и старообрядцами: «Христос посреди нас!» «И есть, и будет!»

Священноначалие Московского Патриархата о единоверии

Раскол XVII века - тема до сих пор болезненная. Поэтому даже авторитетные священнослужители Русской Православной Церкви высказывают разные точки зрения по этому вопросу.

Так называемое единоверие...

На вопросы отвечает протоиерей Дмитрий Смирнов.

- В Замоскворечье, на улице Новокузнецкой, 38 находится кафедральный собор Древлеправославной церкви. Чем она отличается от старообрядческой? Было ли подписание нашим почившим Патриархом Алексием какого-то документа о соединении Старообрядческой церкви с Православной Церковью?

- Такого документа нет. Есть документ, который разрешает православным использовать обряд, который был до XVII века по старопечатным книгам. Эти два обряда, современный и более архаичный признаны равночестными. А соединение возможно, только если наши родные старообрядцы вернутся в лоно православия через таинство миропомазания.

Это всегда возможно. И не только для старообрядцев. Это возможно и для протестантов, и для всех других христианских конфессий. Но такого соединения пока не намечается. И по поводу этого даже диалог не идет. Существует у нас в лоне Православия так называемое единоверие. Это было целое большое движение по соединению с православием еще до прежде всяких таких соборных решений по поводу церковных обрядов. Они служили по старым книгам. Но духовенство в них поставлялось законно от православной иерархии.

То есть они внешне и по своему уставу жизни и по одежде ничем не отличались от старообрядцев.

- Еще о храме на Новокузнецкой. Там Александр именуется себя древлеправославным патриархом Московским и всея Руси. Я не думаю, чтобы он при каких-либо обстоятельствах пошел на воссоединение.

- Я тоже не думаю.

- А вот покойный Алипий именовал себя "митрополит старообрядческий и всея Руси". Т.е. У нас было три таких течения, я уже о единоверцах и не говорю, которые вошли в наше лоно. Вот что вы скажете по поводу древлеправославных?

- То самое же мы наблюдаем и у наших - они обижаются на это слово, но я не нахожу ничего плохого — сектантов. Одни называют себя христианами евангельской веры. А другие — христианами веры евангельской. Хотя что в лоб, что по лбу. Это просто чтобы себя отделить. На самом деле древлеправославные - это тоже старообрядческая конфессия, которая употребляет старые печатные книги, чтобы отделить себя от других согласий.

Разные ветви нашего русского старообрядчества по-разному назывались: Поморского согласия, Федосеевского соглашения, Рогожского согласия, Новозыбковские, Белокриницкие и так далее.

А уж именовать себя «патриархами» - это на здоровье. Если мы с вами, вы и я наберем еще 10 женщин, зарегистрируем общину в том же Замоскворечье и назовем ее «Очень древлеправославная церковь», вы будете патриарх, будет при вас дьякон или шофер, а женщины будут нашим народом. И будем служить, как заблагорассудится, хоть по китайским книгам. А называться «очень, очень, очень древлеправославные».

Можно как угодно себя величать. Если бы мы жили до 17-го года, конечно, таких чудачеств государственная власть не позволила бы. А сейчас у нас время плюрализма.

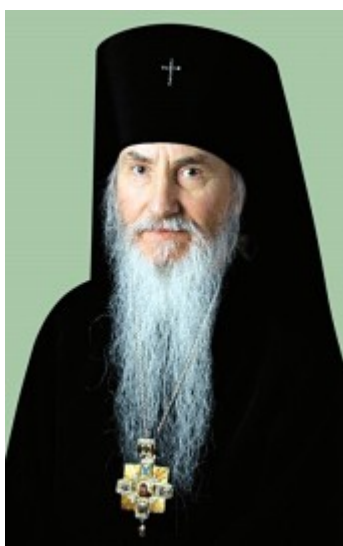
У нас есть даже священники, очень известные в определенном кругу, которые вообще никакой конфессии не принадлежат - или таким церквям, которые именуют себя свободными. «Русская Свободная православная Церковь». Только не говорят, от чего свободная. От морали, от церковных правил, от подчинения закону и от всяких норм человеческого поведения. Да, есть такая церковь. Ну, так что? Это просто одно из направлений.

До революции старообрядчество было развито. Там было много образованных людей. Сейчас, к сожалению, их становится меньше и меньше.

Вообще, когда-то это было очень модное течение, туда входили миллионы. Но старообрядцев советская власть так же и прижимала, и преследовала, как и православных, и всех остальных. Но, к сожалению, такой удар, который нанесла советская власть православию, старообрядчество не смогло выдержать. Может быть, они за счет какой-то экзотики пытаются себя обозначить в религиозном пространстве...

Православное обозрение "Радонеж".

**Архиепископ Берлинско-Германский и
Великобританский Марк о единоверии**

Как известно, основатель Русской Зарубежной Церкви митрополит Антоний Храповицкий был сторонником патриарха Никона, считал его выдающимся архиереем и историческим деятелем России, воссоединившим Малороссию и Великороссию, мечтавшим реализовать проект России как лидера православного мира, но, однако, оклеветанным. И,

одновременно, митрополит Антоний был одним из великих восстановителей единоверия, воссоединения старообрядцев с Русской Церковью. Расскажите, пожалуйста, о том, как владыке Антонию удавалось быть сторонником Никона и одновременно успешно присоединять старообрядцев к Православной Церкви, и как это может быть реализовано сейчас?

Церковь всегда имеет, можно сказать, широкие объятия. И мы, Церковь, принципиально - не «исключительное», а «включительное» общество. Другими словами, мы, естественно, принимаем любого человека, который приходит с чистым и открытым сердцем и готов учиться у опыта Церкви.

Опыт Церкви разнообразен. Мы все понимаем, что события, которые разыгрывались в связи с возникновением так называемого старого обряда, или отделения какой-то части от Русской Церкви, до сих пор достаточно не подлежали изучению и нуждаются в некотором прояснении. Много уже сделано, слава Богу, и в том числе в XIX веке при сильном влиянии митрополита Филарета (Дроздова) было создано единоверческое движение. Это признание Православной Церковью каких-то обрядовых особенностей, и того, что люди от этого не погибают, если они будут придерживаться таких особенностей, ибо важнее их спасение внутри Церкви. Поэтому была дана возможность присоединения бывших старообрядцев к Православной Церкви.

Это одна из попыток, и, на мой взгляд, очень удачных, привести церковное стадо, которое сохранило очень много ценного, обратно в церковную ограду. Мы имеем на Западе один такой приход, в американском городе Ири, где практикуется единоверческая форма благочестия. Я знаю этот приход, я там служил. Это очень ценные люди, которые совершенно стали американцами, по-славянски служить они уже не могут, но придерживаются старых обрядов.

Поэтому мы должны не отгораживаться, но всегда стараться включать тех, кто приходит с доброй волей и открытым сердцем.

История православного единоверческого прихода в США

Об истории возникновения старообрядных (единоверческих) приходов в лоне Русской Православной Церкви мы рассказываем нашим читателям в рубрике «Традиции и современность». Однако сегодня единоверие существует не только в России, но и за ее пределами – даже в Соединенных Штатах Америки.

Приход церкви Рождества Христова города Ири в штате Пенсильвания был основан в 1916 году эмигрантами-старообрядцами, прибывшими в США в конце XIX – начале XX столетия. Старообрядцы эти принадлежали к поморскому согласию (беспоповцы) и ранее проживали на территории, которая ныне входит в состав Польши, а также на западных окраинах России. В то время в США прибыло около 350 старообрядческих семей.

Многие из них остановились в Ири, где была работа на местных доках. К 1916 году здесь уже проживали десятки старообрядческих семей, и руководители общины решили построить храм. Первый храм, построенный в Ири к 1919 году, был открыт на праздник Успения Пресвятой Богородицы. Первым наставником Ирийской общины стал Никон Панцирев.

В ранние годы существования прихода старообрядческие традиции оставались совершенно неизменными, и члены общины сохраняли тот же образ жизни, который они вели в России. Однако к середине XX века – периоду Второй мировой войны, началась постепенная американизация прихода. Мужчины начали брить бороды, женщины коротко стричь волосы, многие дети стали говорить исключительно на английском языке.

Таким образом, ко времени, когда звание наставника принял на себя Владимир Смоляков, в приходе произошли значительные перемены. И хотя церковь была наполнена народом во время воскресных служб, а уровень религиозного образования в общине все же сохранялся на достаточно высоком уровне, прихожане все большее внимание уделяли не столько церковному

богослужению, сколько внешней, общинно-социальной жизни прихода. Владимир Смоляков был наставником до 1972 года, и в последние годы ему пришлось вести напряженную борьбу, чтобы мутные воды американизации не затопили общину.

После него наставником общины в 1976 году стал будущий первый священник Христорождественской церкви отец Пимен Саймон.

Он родился 2 сентября 1947 года в Ири. Его предки были среди тех переселенцев, которые приехали в Соединенные Штаты в 1916 году.

Как и большинство его двоюродных братьев, будущий отец Пимен следовал благочестивому примеру дедушки Василия Саймона (Соловьева) и принимал активное участие в богослужениях общины с раннего детства. Он начал петь на клиросе в возрасте восьми лет, а в пятнадцатилетнем возрасте после смерти дедушки будущему отцу Пимену доверили чтение Апостола – именно это было богослужебной обязанностью его дедушки на протяжении многих лет.

В юношеские годы летом Пимен посещал ежедневные занятия, которые проводил наставник прихода для подготовки будущих наставников и для повышения уровня богословской и литургической грамотности молодых людей в общине.

После окончания общеобразовательной школы в Ири отец Пимен поступил в Колгейтский университет, который с отличием закончил в 1969 году по специальности «Русский язык», в том же году женился. А в 1972 году закончил юридический факультет университета в Питсбурге. Получив юридическое образование, будущий отец Пимен и его жена Мария вернулись в Ири, где он, работая по специальности, активно участвовал в духовной жизни прихода.

В 1976 году отец Пимен принял просьбу общины о том, чтобы стать наставником прихода. В ноябре того же года он оставил юридическую практику и был благословлен на принятие наставничества.

Отцу Пимену пришлось начать служение в приходе, где большинство членов общины были англоговорящими и не имели ясного представления о своей вере, так как слышали о ней только на церковнославянском языке.

После долгих прений и рассуждений отец Пимен решил, что в будущем необходимо ввести в богослужения английский язык. С Недели о блудном сыне 1980 года, по крайней мере, частично, богослужение стало проводиться на английском языке.

Гораздо более сложное решение пришлось принимать два года спустя. Внимательно изучив историю раскола Русской Православной Церкви в XVII веке, отец Пимен пришел к заключению о необходимости сделать все возможное, чтобы воссоединиться с полнотой Церкви. Из членов общины была выбрана комиссия по изучению этого вопроса, результатом работы которой стало голосование всех членов общины. Около 80 процентов прихожан высказались за присоединение к Русской Православной Церкви Заграницей, Собор которой еще в 1974 году издал Указ о совершенной равночестности чинов и обрядов, бывших в употреблении до патриарха Никона.

24 июля 1983 года на праздник святой равноапостольной великой княгини Ольги отец Пимен был рукоположен во священника архиепископом Лавром, а церковь Рождества Христова была освящена после 64 лет с начала проведения в ней богослужений.

В течение Успенского поста 1983 года отец Пимен совершил таинство Миропомазания над 500 прихожанами Ирийского храма. Все они впервые в жизни причастились Святых Христовых Таин в день праздника Успения Пресвятой Богородицы.

В 1984 году в приходе появился второй священник. Им стал иконописец с мировой известностью – отец Феодор Юревич. Отец Феодор продолжил благоустройство храма, написав много икон, которые дополнили ощущение полноты литургической жизни прихода.

В конце 1985 года приход одобрил прошение отца Пимена о проведении в Ири Восьмой Ежегодной Православной конференции, на которую должны были прибыть епископы, священники и сотни мирян. Конференция планировалась на 27 июля – 7 августа 1986 года.

Но 22 июля 1986 года произошло непредвиденное. При завершении последних подготовительных работ, один из работников увидел над храмом дым, выходящий из вентиляционного отверстия. Ко времени вызова пожарной команды весь чердак полыхал огнем. Вскоре огонь прорвался сквозь крышу, и во многих местах провалилась кровля. Паника дила на 150 свечей, приобретенные в Греции, рухнуло на пол. После нескольких часов борьбы с огнем прихожане были поражены, обнаружив царские и диаконские двери, иконостас, иконы, алтарь, облачения и священные сосуды чудесным образом совершенно неповрежденными. Двухчасовое отчаяние сменилось надеждой и молитвой благодарения. Через час после пожара в Общинном центре провели собрание, на котором было решено проводить конференцию по прежде утвержденному плану. В качестве временной церкви предполагалось использовать Общинный центр.

На следующий день отцы Пимен и Феодор, архитектор Росс Ректенфельд и Мартин Саймон, бывший заместитель председателя приходского совета и член вновь избранной строительной комиссии, на месте определяли размеры будущего храма.

К воскресенью 27 июля 1986 года в Общинном центре был устроен иконостас и помещение было полностью приспособлено для проведения богослужений. Собравшиеся на воскресную службу прихожане храма и гости конференции возблагодарили Бога за Его милостивую помощь.

28 сентября 1986 года на строительной площадке был совершен молебен на основание новой церкви, а уже к лету следующего года храм был построен. Первое полное богослужение было совершено на праздник Успения Пресвятой Богородицы, ровно через 68 лет после начала богослужений в первой церкви Рождества Христова.

Замечательным событием в жизни Ирийской общины стало посвящение отца Димитрия Александрова в епископа Русской Православной Церкви Заграницей для служения исключительно по старому чину. Отец Димитрий принял иноческий постриг с именем Даниил, а затем был посвящен во епископа Ирийского и Старообрядческого на праздник Всемилошного Спаса 14 августа 1988 года. Его посвящение было историческим событием, как в истории Русской Православной Церкви, так и в истории прихода.

Мягкое и доброе отношение к пасомым Владыки Даниила, увы, ныне покойного, сделало его любимым архипастырем для Ирийской общины.

После посвящения епископа Даниила, церковь Рождества Христова стала его кафедральным храмом, и отец Пимен в том же 1988 году был возведен в сан протоиерея.

В настоящее время, кроме двух священников, на приходе служат четыре диакона: Филипп Попофф, Иерофей Попофф, Стефан Климчак и Маркел Васселл.

После многих исторических и духовных потрясений годы после восстановления священства и сооружения нового храма были спокойными и благополучными. Количество прихожан остается примерно одинаковым, но храм люди стали посещать значительно чаще. Это можно объяснить тем, что богослужения теперь совершаются и на английском языке, а главное, тем, что восстановление полного круга богослужений, в особенности Божественной Литургии, повысило сознательность среди прихожан. Это явление связано и с появлением немалого числа людей, обратившихся к старообрядной традиции во взрослом возрасте. Их вера подчас гораздо глубже веры людей, унаследовавших ее от своих предков.

В настоящее время примерно треть прихода состоит из тех, кто пришел в Православие взрослым, что положило конец русской этнической обособленности прихода, которая и без того постепенно исчезала. Однако духовенство общины сделало все возможное, чтобы потеря русской этнической обособленности не привела к потере истинного православного благочестия, характерного для русской старообрядной традиции.

Закончить наше повествование об Ирийском приходе хотелось бы словами членов общины: «За прошедшее столетие наш приход пережил драматические перемены, по-прежнему сохраняя верность старому обряду Русской Православной Церкви. Мы надеемся, что с помощью Божией и с преданностью наших прихожан это время бытия нашего прихода станет когда-то лишь предисловием к истории, которая продлится на многие поколения и века. Но все

в руках Божиих и мы благодарим Его за сохранение и покров над всеми нами в это первое столетие существования нашей общины. Слава Тебе Боже наш, слава Тебе всяческих ради!»

С мая 2007 года, после воссоединения Русской Зарубежной Церкви с Московским Патриархатом, старообрядный приход в городе Ири, как и вся Зарубежная Церковь, стал частью единой Поместной Русской Церкви. Таким образом, через сто лет после возникновения данного прихода, в его жизни, как и в жизни всей Русской Церкви, открывается новая эпоха – эпоха возрождения былого единства Церкви.

Хочется верить, что одной из главных вех этой новой эпохи станет окончательное преодоление последствий раскола XVII века и обретение полного единства Русской Православной Церкви на основе равного почитания двух обрядных традиций!

*Из «Летописи Единоверческого храма Архангела Михаила
Села Михайловская Слобода за 2007 год»*